

лярный в Германии Андрей Монастырский - это в высшей степени присущим его акциям начала 80-х чувством меры и ситуации. О чем мне писать уже приходилось, начиная с давно и хорошо известной Сабине Хенсген статьи "КОНЦЕПТ КАК АВАНГАРД АВАНГАРДА" в "Архиве МАНИ" 83 года. (Текста под рукой нет, но, думаю, так или иначе те же соображения и ощущения должны сказываться и в репортаже 81 года, опубликованном Вами, г-н Вир.) Я сегодня продолжаю думать, что те 15-летней давности "Прогулки за город" в достаточно серьезных условиях полицейского режима были принципиально важной репликой на радикалистско-утопические западные поветрия типа идей "слияния искусства с жизнью" и экспессы вроде акции-самоубийства. И сейчас у нас почтывают старые номера "FLASH-ART" и выдумывают подобные же экспесс-экзерсы. До самоубийств еще не дошло, но акция-исправление уже была...

Впрочем, вряд ли в 78-83-х годах и "Коллективные действия" Монастырского особенно рвались спорить с западным опытом - просто хотели его освоить. Но и сам Монастырский был тогда с понятием, и жизнь со спецификой - никакого лишнего баловства с границей она не допускала. Вынуждая к любого рода вопросам нарушений границы подходить осознанно и серьезно. Поневоле. И уж если браться выяснить природу этих "границ с жизнью" и саму их демаркацию, то вникая на совесть и принципиально. Поневоле. В итоге же получился все-таки, скажем так: серьезный опыт корректировки искусством радикальных идеологических схем в условиях повышенной жесткости. Во всяком случае, работу с идеями как материалом искусства наподобие увековеченной в одном из немецких музеев лекции по марксизму,* прочитанной Бойсом, человеку отсюда крайне трудно поставить в один ряд с такой классикой того же Бойса, как жировой угол или ящик с кистью из музея Людвига. Хотя логика преемственности и налицо. А дальше уже дело музеев, какого Бойса манифестиовать и канонизировать - радикала-художника, или просто радикала. Но так или иначе Бойс исходит из сущностей. Опирается на них. К ним отсылает.

Чего, г-н Вир, никак не скажешь про Кабакова.

* Нельзя не отметить, что лекции по основам расовой теории бесстрашный художник прочесть все-таки не рискнул... И на том спасибо.

Но воля Ваша, г-н Вир. Марксизм я учил лет мало не десять. И я видел Бойса. И не могу не сказать - по-моему Бойс - преподаватель ОМЛ (Основы Марксизма-Ленинизма) - это все-таки не тот Бойс.

Вот давайте попросту. Понимаете, да, посттало-таки наше искусство от вального - по крайней мере в каких-то аспектах. Не могло не отстать, как и все в целом. Отсталое меряют передовым - где оно дотянет, где нет. И Бойс, скажем, ящика с охряной кистью - тот самый Бойс, тот самый автор, который да, обошел, от которого да, отстали, в общем, и до чистоты, смелости и свободы мышления которого - вот бы дотянуть, да... Подравняться.

А вот Бойс, скажем, смело использующий картину Энгра в качестве подсобного материала для своей работы, какой-то уже не совсем тот Бойс.

Бойс, сказавший, что главное не в работе, а между работой и зрителем и Бойс, тут же принимающийся утрировать, пародировать собственную мысль, самым буквалистским образом это пространство между работой и зрителем загромождая - тоже какие-то разные Бойсы. Очевидно, что никакие лозунги все-таки не помогли инсталляции отменить, заменить или заслонить объект - и, как заметил Булатов, картина просто оказывается самой удобной и естественной инсталляцией. Форсированный марш Бойса от инсталляции к акции, от акции к лекции, лозунгу, жесту и всемерной дематериализации искусства - это уже Бойс впереди Бойса и впереди прогресса по известному выражению - старинному, но не стающему. Все-таки не тот Бойс. Не тот, которым хочется равнять и мерить в том числе и наше искусство. (Это, кстати, и есть пример таких радикалистских экскурсов и эскапад, которые органически не могли быть присущи здешней художественной жизни, здешнему художественному сознанию. Что в вашем контексте могло выглядеть лихой и вольной выходкой, у нас обертывалось провокацией - а может быть, и выказывало свою суть. И я, кстати, не думаю, что это - худшая часть нашего художественного опыта. Тот случай, когда бедность и правда может обернуться хотя бы такой добродетелью как осмотрительность. На самом деле весьма, к слову, свойственная и Кабакову - только настоящему, местному, а не в экспортном варианте).

И если в результате под эти мерки лучше других попадает Кабаков именно подготовленный на экспорт со всей веселой компанией да под музыку изготавлившейся науки - какой надо науки Бори Грайса - уверены ли Вы, что тем лучше для Бойса - ТОГО Бойса?

Так что пришелся Кабаков в точности к моменту и по мерке не так на Бойса, как на бойковские издерки, на бойковскую шумиху и суматоху - по-немецки отлично организованную суматоху - словом, аккурат на типично не того Бойса, теневого, какого (так уж заведено, и не нами) бывает особенно удобно пропагандировать и изучать научно-художественной системе. Похоже, вышло маленько недоразумение, за десяток лет раздрутое кем-то в грандиозное мероприятие. Европейских, если не мировых масштабов. Уж очень удобно было раздуть. И, надо полагать, небезыгодно. "Русское искусство от Малевича до Кабакова"...

Г-н Вир, Илья Кабаков - художественное явление в принципе не той природы, что Малевич или Бойс, не из того ряда. Ничего подобного бойковским сущностям или пластически-конструктивистским идеям Малевича

за Кабаковым нет и никогда не водилось. Не белое иллюстрированное НИЧТО у Кабакова, а обыкновеннейшее НИЧЕГО. Ничего и ничего - очень хорошо. Но не тогда же хорошо, когда из этого "ничего" налаживают производство философских рассуждений как бы по знаменитой модели "ничто"...

Не беда, что из ничего ничего и не выйдет по известной поговорке. Ничего. Ничего - значит что угодно, как угодно, сколько угодно. Хорошо, полезно. Вполне беспрепятственно и безответственно. Ничего - это то, что надо. Кажется, у нас намечается не только искусство для бедных, но и философия для бедных? Виноват - для русских...

Есть у Кабакова свое, кто спорит - но это другое свое, это не сущности, это, наоборот, мнимости. И мнимости изначально. И принципиально. Тут не экскурсы, не тот случай. Не пластика, не сущность, вообще не конструктив, а ирония - и очень и очень интересная бывала раньше ирония - покуда не стала, бешено пихаясь, лезть не на свое место. Не усидит Кабаков там, где Малевич, хоть при помощи и всей европейской науки. Пожалеть бы хоть Кабакова - да и науку. - треснется он раньше-позже оттуда, да ей же на макушку. Тут скорей бы вспомнить Кошута, чем Бойса. Но, во-первых, если есть в мире Бойс-бум, бойсовская система, то, нет, кажется, соответственной кошутовской. Во-вторых, бойсовская уже перехватила. Уже все. А в-главных, если Бойс щедрей, то Кошут собранней. "Второй Кошут" - было бы как-то дико. К его до окончательности, до метафизики доведенной сверхиронии нечего добавить, подавно Кабакову, действительно mestами на удивление с Кошутом совпадшему в языке, но никак не в кошутовской олимпийской позиции. С ним потрудней было бы устроить милое и гостеприимное недоразумение на десятилетие. И мне, например, не тот Кошут как-то и не попадался.

Причем ведь есть, есть на самом деле у Кабакова зоны войти в компанию, в разговор с Бойсом, Кошутом, и мало ли с кем, но только со своего действительно не олимпийского места, из реального живого контекста, каким он был

- действительно был найден и наработан. Без лишних раздуваний и надувательств, мистификаций и притязаний вольных или невольных. Но этого-то, видно, и не хочется. Да уже и по-здно.

И "Русское искусство от Малевича до Кабакова" звучит как "от искусства до издевательства", от искусства до помойного ведра. (Как же - был такой прославленный кабаковский сюжет, был) Но прежде чем делать столь решительные выводы, следовало бы, очевидно, все-таки попытаться рассмотреть искусство как следует, хотя бы наравне с помойным ведром - вдруг да что от искусства все же уцелело, избежало ведра? Борю Грайса вы уже выслушали. Вполне за 15 лет. А не хотелось ли бы вам также разглядеть и искусство?

Увы, г-н Вир. Опять получилось длинно, не в меру длинно, еще длиннее прежнего. Ну, что делать. Написал, как умел. Что делать - десять лет блестящего искусства взамен русского искусства, десять лет Sehr Groyssche Kunst - хоть и не Tausend, не тысяча, но тоже слишком уж длинно, длинный срок. Как и шесть лет уверток и пустых обещаний опубликовать хотя бы опубликованную статью - тоже много. Долго. Да и письмо, оставляемое без внятного ответа и без печатного упоминания о письме на год, на два, на больше - согласитесь, тоже срок длинноват. Ситуация, насколько я понимаю, не изменилась - не считая того, что прошел еще годик-другой. Видите, все повторяется - неудивительно, если и мое письмо отчасти повторяет предыдущее. Неудивительно, и если то, что повторяется, повторяясь, накапливается. Ведь так?

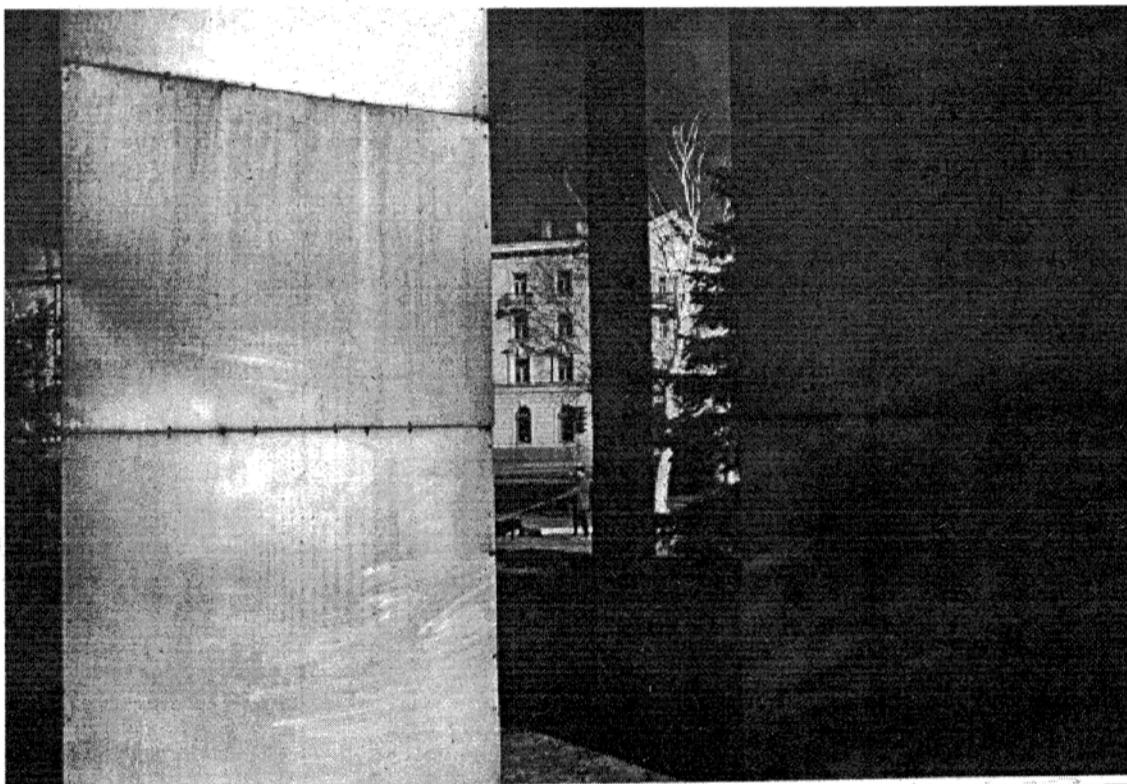
Понимаю. У вас уже не привыкли к возражениям (потому, кстати, мои слова о тоталитаризме - вовсе не такое уж отчаянное преувеличение). Но и мне с какой стати привыкать под старость лет к нравам и обычаям свободного рынка, так свободно регулируемого каким-нибудь Борей Грайсом и, разумеется, кем-нибудь, кто за Борей. Привыкать таким образом, по сути дела, к тому самому, отчего тут и старалась отыскать по мере сил и возможностей активно и сознательно уже больше, слава тебе Господи, сорока лет... Укладываясь ли я в концепцию, попадаю ли я в компанию, в струю и в жилу, по русскому выражению, или не попадаю. Во всяком случае, столь длинные, долгие ожидания учат одному: не надо ожиданий.

И я на сей раз, г-н Вир, отвечаю от Вас уже и не жду, не рассчитываю Вас затруднять. И шлю это письмо - верней, статью в форме письма, подобного первому, просто для сведения. И постараюсь опубликовать эти письма - как второе, так и первое - где-нибудь еще, не в журнале "Schreibheft".

Хотя, конечно, если "Schreibheft" все-таки этими письмами заинтересуется - я буду только рад. Как остаюсь рад и признателен за обширную публикацию моих стихов в № 44 - только с изложенными выше оговорками.

С уважением
Всеволод Некрасов

(Дискета с текстом отдана Сабине Хенсген в сентябре 95)

Сергей Осьмачкин. Из серии "Разговоры ни о чем". 1995-1996.